

ЭТИКА – НАУКА ИЛИ НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ? К ВОПРОСУ О ТОМ, КАК ВОЗМОЖНА ФИЛОСОФСКАЯ ЭТИКА

Л.И. Тетюев

*Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук,
профессор Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: tetjuewl@mail.ru*

Актуальность поставленного вопроса обусловлена длительной дискуссией вокруг этики и ее традиции в современной философии и в науке. В статье обсуждается доклад А.А. Гусейнова «Нравственная философия и этика: линия разграничения». Автор очерчивает возможность ответа, обратившись к исходным базовым понятиям морального дискурса, к представленным в дискуссии аргументам. Обращаясь к критической этике Канта и неокантианской этике, в статье определяются реальные задачи философской этики. Философская аналитика носит рефлексивный и критический характер.

Ключевые слова: философская этика, критическая этика Канта, неокантианская этика, историко-этическая концепция А.А. Гусейнова.

ETHICS – SCIENCE OR MORAL PHILOSOPHY? TO THE QUESTION OF HOW PHILOSOPHICAL ETHICS IS POSSIBLE

Leonid I. Tetjuev

The relevance of this question is due to a long discussion around ethics and its traditions in modern philosophy and in science. The article discusses the report of A.A. Guseynov „Moral philosophy and ethics: the line of demarcation”. The author outlines the possibility of an answer, referring to the original basic concepts of moral discourse, to the arguments presented in the discussion. Turning to the critical ethics of Kant and neo-Kantian ethics, the article defines the real tasks of philosophical ethics. Philosophical analytics is reflective and critical.

Key words: philosophical ethics, critical ethics of Kant, neo-Kantian ethics, historical and ethical concept A.A. Guseynov.

Дискуссии вокруг этики как науки в современной философии носят почти парадигмальный характер. Это объясняется тем, что начало XXI века несет с собой мощный мировоззренческий перелом эпох, свидетельствует о крахе ряда рациональных теорий в науке, экономике, политике, разрушении традиционных метафизических оснований нравственности человека и публичной морали. Человечество в муках переживает сейчас новое рождение очередных культурных ценностей, основные контуры которых можно было разглядеть еще в эпоху Просвещения. Непримируемость концептуальных позиций наглядно доказывает, что дискурс современной философии не может не выступить в качестве «открытого» для оценки воз-

возможностей самой философской аргументации, способной не только к критическому анализу своих исходных посылок и их коренному пересмотру, но и, в отличие от предшествующей традиции, к усовершенствованию своих программных установок.

Важным является прояснить смысл исходной этической «идеи», чтобы для себя создать видимый контур эпохи, исторический масштаб этических преобразований в социальном мире в целом, зафиксировать переломные моменты трансформации этического компонента современной философии. Поиск исходного принципа, или идеи, является важнейшим вектором для всей философской, шире этической и эстетической европейской рефлексии, частью которой выступает отечественная философская мысль, находящаяся последние сто пятьдесят лет на распутье исторического пути. Почти все ценности прежнего общества, выработанные на протяжении многих веков, были отброшены и подвергнуты осмеянию. В контексте философской рефлексии общественной морали и этики как теоретической дисциплины мы вынуждены возвращаться к теме пути развития цивилизации, писать и размышлять о последствиях отказа от лучших традиций предыдущих поколений. Очевидно и то, что духовная свобода как ценность не может быть реализована без институциональных форм, выраженных в языке, в текстах и кодах культуры. А это значит, что личностное бытие как область формирования и функционирования ценностных смыслов должно восприниматься в контексте этического отношения человека к миру.

Современная ситуация ценностного переосмысления этической традиции в философии есть, по существу, попытка *критического осмысления* исторических парадигм современного философского мышления, их развертывания на основе существующих перспектив и направлений в европейской философии. Исследование ценностной составляющей органически связано с *этической мотивацией* западноевропейской философии, которая обладает определенной периодизацией, и, следовательно, несет в себе «скрытое» обращение к истории философии.

Основные направления европейской этики многополярны и многоаспектны. Выделяются в типологии этических теорий несколько программ и проектов. Так, например, в литературе обосновывается возможность описательной этики, нормативной этики и метаэтики. В контексте метаэтики, в частности, решаются такие важнейшие философские проблемы как проблемы нормативных оснований, обсуждается проблема обоснования норм. Кроме того, можно выделить когнитивистские и некогнитивистские теории этики, этики утилитаризма и интуитивизма, эволюционную этику и реалистические этики.

Дискуссия последних десятилетий высветила два важнейших вопроса: как возможен моральный дискурс сквозь призму задач этики? Каковы его исходные принципы образования и истоки?¹ В поисках ответа мы вынуждены опираться на аргументы, которые принято сейчас называть «транс-

цендентальными», поскольку они обращены в своей основе к наличествующим дискурсам в науке (теоретическому, философскому, моральному, эстетическому) и их предметным предпосылкам, задающим ограничения академической области – областью современного университетского образования.

В марте 2019 г. в Институте философии РАН состоялся симпозиум «Нравственная философия и этика»², посвященный 80-летию академика РАН Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова. В докладе академик А.А. Гусейнов высказал идею, согласно которой нравственная философия и этическая теория совпадают между собой предметом, но отличаются методами: первая схватывает поступок изнутри в его первоначальном моральном генезисе, вторая исследует мораль в ее внешних объективированных формах. Автор опирается на собственную интерпретацию нравственной философии М.М. Бахтина, изложенной в его ранних произведениях «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности». Сегодня можно с уверенностью сказать о «неокантианском компоненте» некоторых эстетических идей М.М. Бахтина, близких эстетике марбургских неокантианцев, чего нельзя сказать об его этической теории. В своей этике, или нравственной философии, он придерживается онтологического мотива философии жизни.

Попытаемся очертить возможность ответа, обратившись к исходным базовым понятиям морального дискурса.

В отечественной литературе сложилась традиция отождествлять понятия «моральный» и «нравственный», и считать мораль и нравственность как синонимичные понятия. Размытость смысла и неясность границ между этими терминами скрывают за собой ряд нерешенных теоретических проблем, которые в свою очередь порождают сложности в понимании всей соответствующей проблематики. Оба этих истолкования мирно сосуществуют в современной моральной философии; более того, большинство философов или вовсе не видят разницы между ними, или же считают различие этих интерпретаций малосущественным и непринципиальным. Более того, в современной философской литературе такие понятия как «теоретическая этика» и «нормативная этика» нередко используются для выделения разных «разделов» или «аспектов» этики как единой науки или области знания.

Однако в практической философии понятия «моральный» и «нравственный» определяются не как однородные. В этом смысле Л.М. Максимов справедливо замечает, что в современном языке философии и науки сохраняется «чрезмерная содержательная близость понятий «этика» и «мораль», которая проявляется, в частности, в том, что «этика» почти всегда определяется через «мораль». Это приводит, с одной стороны, к неоправданному сужению предмета этики, а с другой, – к столь же неоправданной расширительной трактовке морали, к размыванию ее специфики»³.

А.В. Прокопьев находит этому явлению объяснение: в XVII–XX вв. в западной культуре и этической мысли наблюдается очевидная тенденция к отождествлению нормативного содержания морали с ценностями и нормами, которые предписывают деятелю озабоченность благом другого человека и интерпретируют это благо исключительно через призму безопасности, благополучия и свободы. «Содержание морального долга обедняется за счет исключения из него значительного количества требований, которые или вообще не связаны с благом другого, или интерпретируют его перфекционистски (например, в категориях спасения души)»⁴.

Неудивительно, что сегодня уже отчетливо осознается тот факт, что мораль можно понимать как философию (моральную философию), а этику как науку (рефлексию морали). Но как возможно понимание этики как самостоятельной науки?

Проанализируем некоторые аргументы, задающие контекст историко-этической и философской традиции.

В истории философии вокруг значимости этики шли постоянные споры. И. Кант обострил вопрос, поставив в центр дискуссии важнейшие понятия этики: понимание природы морали, способы обоснования морального долга, норм и принципов этического поведения. Последующее академическое неокантианство резко определило свое критическое отношение к этике утилитаризма. Но проблемы свободы и разума, столь важные для Канта, отошли все же на второй план. Г. Коген, глава Марбургской школы неокантианства, следовавший за Платоном и Кантом, постарался в области этики и науках о духе преодолеть дуализм, и объединить логику и этику в одной системе. Этика должна пониматься как *критическая философия*.

«И для включения *этики* в систему идеализма точка зрения критики является определяющей... В фактах культуры, которые разгадывают и раскладывают нравственный закон, этик открывает его формулу и ценность»⁵. Вопросы этики Канта находят широкое обсуждение в контексте русской философии (В.С. Соловьев) и их дальнейшее развитие в русской неокантианской традиции (А.И. Введенский, П.И. Новгородцев).

Тема долженствования становится важнейшим элементом этического идеализма в неокантианстве. Кант изначально подчеркивал трансцендентальный статус долженствования, для него идея блага как идея причинности означала границу бытия. В этическом идеализме Г. Когена тема небытия приобретает смысл долженствования. Поскольку задача этики состоит в том, чтобы учить тому, *что должно быть*, значит, она *должна учить* тому, чего *нет*. Ее задача именно в том состоит, чтобы переступить «*бытие*» *опыта*, поскольку по ту сторону опыта нет никакого бытия, к которому можно было бы отнести наши понятия опыта и, следовательно, опыт. В практической философии речь идет не о том, чтобы установить «первые законы как законы, по которым все происходит, вторые же – как законы,

по которым все должно происходить, однако следует принимать во внимание условия, при которых этого часто не происходит»⁶.

В классическом идеализме, начиная с Платона и Канта, признается главенствующим принцип, что истинное бытие содержится в идее. В этике этот принцип преобразуется в качестве *идеальной задачи* для того, кто совершает поступок. Долженствование нельзя вывести из опыта, но как принцип, оно опирается на него, и как бесконечная задача, оно не может быть опровергнуто фактами. В отличие от эмпирической фактичности, долженствование как принцип этики обладает статусом трансцендентальной априорности, т. е. наличием *реальной* идеи, наличием *реального* идеала. Реальный идеал как задача этики, и его обоснование в идеализме основывается на надежности и уверенности в будущем человечества. В отличие от античного идеализма, этический идеализм ориентирован на реальную, а не на утопическую идею реализации своего будущего. Утопия есть, прежде всего, идеал эвдемонизма. Критическая этика понимается в таком ключе уже в качестве метода наук о духе.

Уже из этого видно, что и этика Канта, и неокантианская этика Г. Когена являются альтернативами для любой эмпирической и материалистической этики, они противоположны позиции утилитаризма и эвдемонизма, пантеизму Спинозы и философии тождества Гегеля.

Осмысление некоторых исходных принципов, задающих объем и содержание проясняемых понятий, показывает, что в последнее время этика воспринимается в качестве *философской*, которая имеет дело с особой моральной практикой человека. В неокантианской интерпретации уделяется большое внимание *философской составляющей этики* и ее особой практической роли в обоснования «интеллектуальной возможности опыта».

«Этика, будучи теорией человека, – пишет Г. Коген, – становится центральной точкой философии. И только в ней философия обретает независимость и своеобразие, а после этого – единство»⁷.

Кантовская этика задает ориентир и в отношении понятий свободы и автономии, определения субъекта этики. Сегодня уже очевидно, что кантовский формализм в этике находит своих сторонников, и прежнюю критику следует расценивать как поверхностное и ошибочное понимание его критической философии. Понимание морального закона Канта как первоначала и практического *A priori*, формально означает его всеобщность, необходимость и обязательность *для всех*, т. е. его ценность значима не только во всех случаях без исключения, но еще и в каждом случае индивидуально.

Важнейшим понятием этики Канта становится и понятие автономии. «Автономия означает ту связь теоретического и нравственного разума, в которой нравственный разум сознает самого себя связующим», развивает идеи Канта Э. Кассирер, представитель неокантианской философии⁸. В критике разума, как теоретического, так и практического, считает он,

предпослана идея разума, идея последней и высшей связи познания и воли. Требование долженствования, по Кассиреру, есть исключительное основание уверенности, которая обретается в осознании этического закона как закона свободы⁹. Кантовское понимание должного, как видим, объясняется из принципа свободы. «Мы имеет дело не с предметным миром вещей, а с миром свободных личностей, не с совокупностью и каузальной связью объектов, а со структурой и целевым единством самостоятельных субъектов»¹⁰.

Следует заметить, что в неокантианской этике и Коген, и Кассирер уделяют большое внимание значимости сферы практического. Практика понимается на идеалистический манер как то, что противостоит теоретическому, т. е. тому, что воспринимается как нечто, принадлежащее своему бытию, то, наоборот, «практическое есть все то, что возможно благодаря свободе»¹¹. Именно здесь этический идеализм усматривает критерий для объективности, который в практической сфере имеет значение «единства и универсальности»¹².

Как видим, с философской точки зрения этика обосновывает *претензии философии* на исследования основоположений, принципов, правил поведения. Предметом ее интереса выступает то, какое из возможных смысловых наполнений индивидуально-ответственного поведения является наиболее истинным, и потому предпочтительным.

«Сложность возникающих проблем состоит в том, что на сегодняшний день нет явно выраженной и всеми признаваемой системы ценностей, включающей представления о том, что хорошо и что плохо для будущего развития человека и общества. А это, в том числе, и этическая проблема. В связи с этим, возникает необходимость «переоценки ценностей», одним из способов осуществления которой может выступить «этика дискурса», центральным моментом которой является коммуникативное формирование систем ценностей в условиях отсутствия монополии на знание истины. А система образования, которая выполняет, в том числе, существующий социальный заказ, не может быть в стороне от этих процессов»¹³

Этика Канта указывает на предельные этические основания сознания и поведения человека, которые в конце XX века получили развитие в европейских программах этической дискурсии и прагматики. XX век искал компромисс на пути практической реализации теории коммуникативного разума, рационального действия и языка. Вопрос об автономии и свободы человека сегодня заостряется до предела. В современном мире приходится жить не только без морали, но и без нравственности. Мораль современного общества толкает человека быть вне нравственности, а научная рациональность стремится всеми средствами вытеснить разум.

Какой она будет, философская этика XXI века? Вопрос, который требует серьезного профессионального и академического обсуждения. А от-

вет на него необходим прежде всего университетской системе образования.

Примечания

¹ *Тетюев Л.И.* Как возможна философская этика? // Проблемы этики: историко-философский и профессиональный контекст / отв. ред. Л.И. Тетюев. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 4-6.

² *Гусейнов А.А.* Нравственная философия и этика: линия разграничения // Этическая мысль. М.: Институт философии РАН. 2019. Т. 19. № 2. С. 5-16.

³ *Максимов Л.В.* Этика и мораль: соотношение понятий // Этическая мысль. 2003. № 4. С. 14-22.

⁴ Материалы обсуждения доклада академика А.А. Гусейнова на симпозиуме «Нравственная философия и этика» // Этическая мысль. М.: Институт философии РАН. 2019. Т. 19. № 2. С. 17-37.

⁵ *Коген Г.* Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М.: Академический Проект, 2012. С. 574.

⁶ *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: В 6 тт. М.: Мысль, 1965. Т. 4 Часть I. С. 122.

⁷ *Cohen H.* Ethik des reinen Willens // Cohen H. Werke, Hildesheim: G. Olms, 1981. Bd. 7. S. 1.

⁸ *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 221.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Там же. С. 225.

¹¹ *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 тт. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 658.

¹² *Tetyuev L.I.* E. Cassirer and Critical Ethics Kant: the Question about the Interpretation. *RUDN Journal of Philosophy*. 2018. 22(1). pp. 65-75.

¹³ *Перов В.Ю.* Этика дискурса и коммуникативные практики // Коммуникация и образование: Сборник ст. / под ред. С. И. Дудника. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 2004. С. 405.